ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ЧЕРКЕСА.

Въ 1862 году мнѣ довелось посѣтить Кавказъ. Цѣлію моей поѣздки было свиданіе съ моими родными, которыхъ я не видалъ лѣтъ пятнадцать, т. е. со дня поступленія въ кадетскій корпусъ. Мнѣ хотѣлось также побывать въ экспедиціяхъ, съ какимъ-либо изъ отрядовъ, дѣйствовавшихъ на правомъ крылѣ Кавказа, въ землѣ воинственнаго черкесскаго племени абадзеховъ.

Я пріѣхалъ на Кавказъ въ половинѣ мая и могъ бы безотлагательно отправиться въ ближайшій къ нашему мѣсту жительства отрядъ даховскій, но, не желая огорчить родныхъ скорымъ отъѣздомъ, отложилъ свое намѣреніе къ концу осени или къ началу зимы, когда преимущественно начинались наступательныя дѣйствія.

Въ послѣднихъ числахъ октября. отецъ мой получилъ предписаніе выступить съ двадцатью всадниками къ рѣкѣ Зеленчуку и оттуда, вмѣстѣ съ милиціонерами ауловъ Верхне-Кубанскаго приставства, слѣдовать въ укрѣпленіе Майкопъ. По причинѣ своей болѣзни, отецъ не могъ исполнить приказанія, а потому двадцать всадниковъ изъ нашего и другіе двадцать изъ сосѣдняго ауловъ отправились со мной. Я очень радъ былъ воспользоваться случаемъ участвовать въ экспедиціи, которая предпринималась изъ Курджипса на Пшехъ. Принцъ Альбертъ Прусскій (старшій) принималъ участіе въ экспедиціи, чтобы ознакомиться съ образомъ дѣйствій кавказскихъ войскъ. Принцъ гостилъ на Кавказѣ въ то лѣто.

На второй день моего выѣзда изъ дома, я догналъ милицію, уже выступившую изъ Зеленчука, въ Урупской станицѣ, гдѣ мы имѣли ночлегъ. Съ Урупской станицы до самаго укрѣпленія Майкопъ, нашъ летучій отрядъ не разсѣдлывалъ коней, потому что въ Лабинской станицѣ, гдѣ мы предполагали ноче-

вать, получили приказаніе догнать обозъ, шедшій къ Майкопу съ незначительнымъ прикрытіемъ. Безъ отдыха невозможно было продолжать путь, потому что отрядъ нашъ сдѣлалъ въ этотъ день, покрайней мѣрѣ, верстъ шестьдесятъ на жирныхъ, откормленныхъ лошадяхъ; да притомъ насъ затрудняли вьючныя и заводныя лошади. Тхамады (*) купа (**) рѣшили дать отдыхъ лошадямъ, часа два или три, и потомъ догонять обозъ.

„Какъ ты думаешь, можно это сдѣлать, не подвергаясь отвѣтственности предъ начальствомъ?“ спросили они меня. Я отвѣтилъ, что за такой необходимый отдыхъ они не будутъ отвѣчать, если только вовремя примкнутъ къ обозу. „Въ такомъ случаѣ, мы отдохнемъ часа полтора, а получаса достаточно на сборы къ мосту черезъ Лабу“, сказали старшины, послѣ чего милиціонеры разъѣхались по хатамъ. Это было въ шесть часовъ пополудни. Къ девятому часу весь купъ собрался къ мосту черезъ рѣку Лабу. Густой, непроницаемый туманъ, холодъ, сырость и возможность нападенія абадзеховъ, длинный утомительный переходъ—вотъ что ожидало нашъ купъ впереди. Старшины, поставивъ купу на видъ всѣ эти обстоятельства, предложили слишкомъ не растягиваться, чтобы не подвергнуться какому-нибудь „*срамному дѣлу*“; говоря просто, чтобы не попасть въ руки абадзеховъ, для набѣговъ которыхъ подобная ночь была сущимъ кладомъ. Между тѣмъ, купъ, со всѣми вьючными и заводными лошадьми, не могъ не растянуться версты на двѣ.

Три часа нашего горскаго марша—и мы около обоза. Понятно, что мы уже не могли идти такимъ ходомъ, какъ шли все время, и потому только къ пяти часамъ вечера слѣдующаго дня достигли благополучно укрѣпленія Майкопъ. Правда, на разсвѣтѣ, съ лѣвой стороны дороги, изъ лѣсу высыпало до ста абадзеховъ, вѣроятно, предувѣдомленныхъ о слѣдованіи обоза къ Майкопу; но многочисленность конвоя удержала ихъ отъ нападенія. Выскакивали только одиночные всадники, какъ бы вызывая на единоборство; однако съ нашей стороны не оказалось охотниковъ. Абадзехи ограничились на первый разъ угрозой, что мы не избѣгнемъ встрѣчи съ ними за Курджипсомъ.

(*) Старшины.
(**) Партія.

„Совѣтуемъ вамъ проберечь до времени храбрость и заряды свои“, иронически отвѣтили съ нашей стороны.

„Вѣрно, вы строго поклялись добросовѣстно заслужить тотъ абазъ (*), который вы получаете за каждый день экспедиціи“, дразнили абадзехи нашихъ.

Этого было достаточно, чтобы наши рѣшились проучить абадзеховъ за дерзость. Двадцать всадниковъ

„Въ косматыхъ шапкахъ, въ буркахъ черныхъ,
„Къ лукѣ склонясь на стремена“

и, придерживая приклады своихъ винтовокъ, понеслись въ разсыпную къ лѣсу. Абадзехи не долго заставили себя ждать: въ двадцати мѣстахъ произошло состязаніе на полномъ скаку. Съ нашей стороны были ранены человѣкъ шесть и четыре лошади; абадзехи потеряли болѣе.

Ни одно племя горцевъ не могло сравниться въ храбрости, ловкости и лихости наѣздничества съ тѣми обществами кабардинцевъ, которые, именуясь хаджиратами, живутъ на Кубани, обѣихъ Зеленчукахъ, Урупѣ, Лабѣ, Ходзѣ и въ другихъ мѣстахъ праваго крыла Кавказа. Это не тѣ изнѣженные кабардинцы, которые сохранили въ наѣздничествѣ одну только манерность. Наши оказали изумительное умѣнье ловко владѣть оружіемъ: только въ моментъ рѣшительнаго столкновенія съ противникомъ выхватывали они винтовки, а до того стремительно налетали на абадзеховъ, чтобы сшибить ихъ съ коня. Для хаджиратовъ сѣдло тотъ же мягкій диванъ, па которомъ они располагаются такъ удобно и такъ граціозно.

Да не обвинятъ меня въ пристрастіи къ моимъ землякамъ. Ссылаюсь на всѣхъ имѣвшихъ случай узнать ихъ. Кстати замѣчу здѣсь, что, ни со стороны абадзеховъ, ни съ нашей, я не видалъ ни одного всадника, который бы наскакивалъ на непріятеля съ шашкой въ зубахъ, какъ то повѣствуютъ многіе. Это несправедливо. Черкесы, бросаясь большими массами на непріятеля, оставляютъ шашки въ ножнахъ; они стараются подготовить успѣхъ атаки выстрѣлами и уже послѣ стремительнаго шока начинаютъ дѣйствовать шашками.

Квартиръ въ Майкопѣ, по причинѣ большаго стеченія войскъ, для милиціи не оказалось, а потому намъ предложено было расположиться бивуакомъ на удобномъ мѣстѣ. Удобнѣе русла

(*) 20 коп. сер.

рѣки не было, и купъ нашъ, спустившись съ крутыхъ береговъ Бѣлой, раскинулся въ мелкихъ кустарникахъ, которыми поросла долина рѣки. На другой день прибылъ Великій Князь-намѣстникъ; но принцъ Альбертъ захворалъ, и мы простояли, при самой благопріятной погодѣ, трое сутокъ. На утро четвертаго дня бивуачной жизни, я проснулся весь покрытый снѣгомъ. Меня уже ожидалъ посланный отъ пристава Верхне-Кубанскаго приставства, съ запиской, въ которой онъ просилъ предупредить весь купъ, простиравшійся теперь до 800 всадниковъ (къ намъ присоединились милиціонеры и верхне и нижне-лабинскихъ приставствъ), что въ этотъ день отрядъ долженъ выступить къ Курджипсу. Это было въ седьмомъ часу утра. Къ одиннадцати часамъ, мы, съ небольшимъ числомъ пѣхоты и двумя-тремя сотнями казаковъ, двинулись черезъ Бѣлую къ курджипскому лагерю. Принцъ Альбертъ находился при нашемъ отрядѣ. Погода была отвратительная: мокрый снѣгъ валилъ огромными хлопьями и, ложась на землю, тотчасъ таялъ. Дорога, сначала узкая и грязная, окоймленная съ лѣвой стороны дремучимъ лѣсомъ и пролегая съ правой къ крутому обрыву, затрудняла движеніе. Отрядъ растянулся верстъ на пять. Такъ шли мы верстъ девять, имѣя съ правой стороны патрули, которые были выставлены тотчасъ по переправѣ черезъ Бѣлую, а съ лѣвой—непроходимый лѣсъ. На девятой верстѣ (приблизительно) дорога пошла по болѣе ровному мѣсту. Было уже далеко за полдень, когда мы вступили въ лагерь на рѣкѣ Курджипсѣ. Послѣ осмотра пришедшаго легкаго отряда графомъ Евдокимовымъ, милиціи опять приказано расположиться между палатками, и вскорѣ между ними появились шалашики изъ хвороста, въ которыхъ мы укрывались отъ непогоды. Лагерь былъ расположенъ надъ самой рѣкой, на чистомъ и ровномъ мѣстѣ, примыкая тыломъ къ отлогой возвышенности, покрытой продолженіемъ того самаго лѣса, который сопутствовалъ намъ изъ Майкопа.

Праздными мы оставались не долго: на другой же день мнѣ поручили раздачу боевыхъ патроновъ всей милиціи, а на слѣдующій день легкій отрядъ, подъ начальствомъ принца Альберта, выступилъ изъ лагеря, имѣя милицію въ авангардѣ для фуражировки. Перейдя Курджипсъ, отрядъ потянулся по широкой балкѣ. Съ правой стороны возвышенность была совершенно гладкая, съ лѣвой же покрыта лѣсомъ, по которому сновали

одиночные абадзехи. Такъ шли мы версты три по дорогѣ. День былъ ясный. Всадники начали попадаться чаще и уже впереди насъ, но все еще не затѣвали перестрѣлки съ нами. Пройдя еще съ версту, мы наткнулись на аулъ, оставленный жителями, и поднялись на возвышенность Тхацъ, которая, врѣзавшись въ пройденную нами балку, раздѣлила ее на двѣ балочки, узкія и глубокія, занятыя небольшими аулами. На возвышенности представилась намъ оживленная картина: со всѣхъ сторонъ абадзехи сгоняли скотъ въ лѣсъ. Милиція, завидѣвъ это, бросилась безпорядочными толпами отбивать скотъ, и не успѣли главныя силы нашего летучаго отряда выйти изъ балки, какъ она уже покончила дѣло.

Отрядъ возвратился въ лагерь съ 2,000 рогатаго, и мелкаго и крупнаго, скота.

Такъ окончилась наша первая фуражировка. Черезъ день или два предполагалось двинуть отрядъ по возвышенности Тхацъ на Пшеху, для истребленія мехкеме Магометъ-Амина и по пути лежащихъ ауловъ.

Съ утра, когда отрядъ двинулся изъ лагеря, погода стояла изрядная, но къ полудню поднялся густой туманъ; дорога изъ балки въ балку чрезвычайно затрудняла движеніе. Милиція, для которой подобныя препятствія ничего не значатъ, идя въ авангардѣ, должна была безпрестанно останавливаться, чтобы не удалиться отъ колонны. Къ счастію, абадзехи въ этотъ день вели себя скромно и, держась опушки лѣса, только провожали нашъ отрядъ.

Конечно, случалось, что шалунъ-абадзехъ, стоя на безопасномъ мѣстѣ, посылалъ милиціонерамъ непечатныя слова; но на это никто не обращалъ вниманія.

5-го ноября 1862 года мы подошли къ аулу Шагуаджа, гдѣ и заняли позицію. Покуда главныя силы располагались на позиціи, небольшая часть войскъ и милиція были направлены противъ абадзеховъ. Столкновеніе не имѣло никакихъ важныхъ послѣдствій, кромѣ двухъ-трехъ убитыхъ лошадей подъ милиціонерами. На другой день, т. е. 6-го ноября, отрядъ занялся уничтоженіемъ близлежащихъ ауловъ. Абадзеховъ въ этотъ день мы не видали. Съ любопытствомъ смотрѣлъ я, какъ солдаты съ необыкновенною мѣткостію подстрѣливали куръ, вылетавшихъ изъ амбаровъ и другихъ темныхъ мѣстъ, куда онѣ забрались, чуя приближеніе иноземцевъ.

Въ доказательство мѣткости выстрѣла кавказскаго солдата, передаю слѣдующій случай.

Разъ, когда милицію потребовали изъ аріергарда въ авангардъ, я поотсталъ, чтобы дать отдохнуть лошади, и ѣхалъ шагомъ, съ боку колонны.

— Слышь, ребята! вѣдь ту лошадь, которая вонъ тамъ на гребнѣ — говорилъ солдатикъ, указывая налѣво —*безпримѣнно* держитъ азіятъ, хошь его самого не видать: онъ, надо полагать, лежитъ около ея и держитъ за поводъ.

Солдаты молча посмотрѣли на возвышенность, гдѣ дѣйствительно стояла лошадь.

— Чего жь ты смотришь? валяй въ него! сказалъ я солдатику.

— А и впрямь такъ! только, какъ не попадешь, товарищи будутъ смѣяться, отвѣчалъ солдатъ, отходя отъ отдѣленія и готовясь стрѣлять.

— Цѣлься, братъ Пахомовъ, по лѣвую сторону лошади, около самой ноги, потому онъ слѣзаетъ на лѣвую сторону, значитъ тамъ и легъ.

Взвизгнула штуцерная пуля Пахомова, и бѣдный абадзехъ, вѣроятно расположившійся для наблюденія, чуть не поплатился жизнью: пуля упала около самаго его носа, и горецъ, доселѣ невидимый, словно травленный волкъ, вскочилъ съ мѣста и давай тягу. Разстояніе было довольно большое.

7-го ноября отрядъ снялся съ позиціи. Туманъ, слякоть и безпрестанно попадавшіеся абадзехи, забывъ свою недавнюю, относительно насъ, осторожность, дали себя знать. За исключеніемъ особенныхъ случаевъ, милиція всегда находится въ авангардѣ; такъ было и въ этотъ день. Я, съ полсотнею всадниковъ, шелъ, въ видѣ наблюдательнаго отряда, впереди милиціи и вдругъ наткнулся на плетень — признакъ близости аула. Предупредивъ объ этомъ начальника милиціи, полковника Абдрахманова, я со всадниками переѣхалъ плетень, и только теперь мы замѣтили, что и направо и налѣво отъ дороги находились аулы, раскинутые по балочкамъ.

Впереди насъ сновали до сорока абадзеховъ, которые, завидѣвъ насъ, подались назадъ и наконецъ скрылись изъ вида. Туманъ, какъ нарочно, спустился еще ниже, такъ что не стало возможности различать предметы за десять шаговъ. Проѣхавъ съ четверть версты, мы затруднились слѣдовать дальше, какъ

передъ нашимъ носомъ грянулъ выстрѣлъ, другой, послышались гнѣвные крики: „а, гяуръ! гяуръ!...“ и въ туманѣ мелькнула бѣлая черкеска. Этого было достаточно, чтобы мои полсотни молодцовъ мигомъ выхватили винтовки изъ чехловъ и стремительно бросились по слѣдамъ дерзкаго врага, осыпая его градомъ пуль. Проскакавъ съ версту, мы наткнулись на вороную лошадь, раненую девятью пулями и растянувшуюся около кустарника, насупротивъ котораго чернѣлъ большой дубовый лѣсъ, куда, вѣроятно, и скрылся хозяинъ коня. Покуда милиціонеры разсѣдлывали убитую лошадь, изъ лѣсу раздался еще выстрѣлъ, что заставило меня оцѣпить тотъ уголъ лѣса, который выдавался здѣсь на дорогу; но съ правой стороны клина, гдѣ я находился, въ сторонѣ отъ лѣса раздались два новые выстрѣла. Обѣ пули попали въ стоявшаго около меня 18-лѣтняго князя Эльбуздокова: одна изъ нихъ расшибла ему челюсть и вылетѣла, а другая засѣла въ ключицѣ. Выстрѣлы начали затѣмъ повторяться все чаще и чаще — ясное доказательство, что тутъ была засада. Въ эту критическую минуту прискакала къ намъ вся милиція, предводимая полковникомъ Абдрахмановымъ. Абадзехи какъ-будто только и ждали ея прибытія: все слилось теперь въ протяжный гулъ выстрѣловъ и криковъ: „гяуръ, гяуръ!“ Насъ, въ буквальномъ смыслѣ, засыпали градомъ пуль, а мы, конные, не могли защитить себя отъ невидимыхъ враговъ.... Я предложилъ начальнику милиціи спѣшить часть милиціонеровъ и послать къ отрядному начальнику съ просьбою о присылкѣ одной или двухъ ротъ стрѣлковъ. Черезъ часъ къ намъ пришли двѣ стрѣлковыя роты, которыя, смѣло разсыпавшись по лѣсу, скоро поправили дѣло. Оно, конечно, не обошлось безъ потерь.

Вечерѣло... Отрядъ слѣдовалъ по дорогѣ черезъ лѣсъ, по которому были разсыпаны стрѣлки; поминутно слышались крики: „подавай носилки!“ Наконецъ черезъ часъ мы вышли на поляну, съ трехъ сторонъ окруженную лѣсомъ, а четвертою стороною упиравшуюся въ подошву изрытой возвышенности, на отлогости которой былъ раскинутъ аулъ. Жители, видно, не ожидали нашего прихода, потому что только при видѣ насъ начали выбираться изъ аула. По приказанію начальника кавалеріи, полковника (нынѣ генералъ-маіора) Граббе, милиція кинулась на аулъ. Произошла жаркая и упорная схватка. Абадзехи, шагъ за шагомъ, отступали къ аулу; наши напи-

рали туго. Видя невозможность противостоять имъ, абадзехи быстро отошли къ узкому пространству между заборами и, занявъ его, оборонялись отчаянно. Они, очевидно, хотѣли дать своимъ время выбраться за природный валъ позади аула, что имъ и удалось: когда они были отброшены къ валу, въ аулѣ мы не нашли ни одной души. На валу абадзехи засѣли въ хлѣвѣ, откуда, послѣ упорнаго сопротивленія, были выбиты эскадрономъ постоянной милиціи, подъ начальствомъ двухъ храбрыхъ офицеровъ: бекъ-мурзы Трамова и шахима князя Лоова. Для сожженія этого аула милиція оставлена была на валу. Отрядъ расположился на полянѣ для ночлега и хорошо поужиналъ мясомъ скота, отбитаго нижегородскими драгунами. Милицію отозвали назадъ, замѣнивъ ее пѣхотой. Рано утромъ, отрядъ снялся съ позиціи и медленно двинулся къ Пшеху.

Покуда отрядъ выбирался изъ трущобы, милиція оставалась на полянѣ, предохраняя его отъ нападенія съ тыла, а потомъ заняла свое обычное мѣсто впереди отряда. Переходъ былъ небольшой, туманъ разсѣялся, дорога тянулась ровная, а потому мы очень скоро достигли рѣки Пшехъ—цѣли нашей экспедиціи.

За рѣкой, нѣсколько вправо отъ брода, былъ расположенъ большой аулъ Магометъ-Амина, занятый всадниками; прямо противъ брода, надъ рѣкой, кладбище было занято пѣшими абадзехами. Ясно, что непріятель рѣшился не дешево отдать свой *мехкеме* (*). Медлить было нечего. Пока отрядъ выбирался на берегъ рѣки, милиція, по предложенію неустрашимаго полковника Абдрахманова, подъ выстрѣлами засѣвшихъ на кладбищѣ абадзеховъ, быстро переплыла Пшехъ и смѣло бросилась къ аулу. Но противники уклонились отъ схватки въ самомъ аулѣ и поспѣшно отодвинулись къ находившемуся позади лѣсу; миліціонеры устремились за ними... Застонала адигская (**) земля отъ проклятій и выстрѣловъ ея сыновъ....

Раздраженные большимъ числомъ своихъ раненыхъ, миліціонеры ворвались въ лѣсъ и готовились начать рукопашную схватку; наши заряды, между тѣмъ, истощились, и потому полковникъ Абдрахмановъ распорядился сообщить объ этомъ въ

(*) Судилище.

(**) Адигами называются кабардинцы, абадзехи, шапсуги, натухайцы, словомъ всѣ, за исключеніемъ абадзинцевъ—племени, живущаго на правомъ крылѣ.

отрядъ. Насъ замѣнили три сотни казаковъ. Абадзехи, угадавъ причину нашего отступленія, стали напирать на казаковъ смѣлѣе; но не было необходимости долго возиться съ противникомъ: все дѣло состояло въ томъ только, чтобы сжечь аулъ.

На обратномъ пути, отрядъ, снявшись съ позиціи (съ 9-го на 10-е), слѣдовалъ къ аулу Шагуадже, который также предназначено было сжечь. Милиція находились въ аріергардѣ. Въ недальнемъ разстояніи отъ аула, отрядъ, по причинѣ густаго тумана, принужденъ былъ остановиться въ котловинѣ; артилерія, которой абадзехи болѣе всего боялись, занимая голову колонны, находилась внѣ котловины, равно и хвостъ колонны, т. е. милиція. Когда туманъ разсѣялся, мы увидѣли на отлогости (справа) котловины небольшой аулъ, а за нимъ, на гребнѣ, до 150 абадзеховъ. Противъ нихъ послали милиціонеровъ, и въ то же время артилерія открыла огонь; но абадзехи послѣ перваго же выстрѣла перевалили по ту сторону гребня. Мы проскакали чрезъ небольшой рѣдкій лѣсъ, влѣво отъ аула, вышли къ головѣ колонны и затѣмъ съ начальникомъ кавалеріи (генералъ-маіоромъ Граббе) погнали толпу абадзеховъ, скоро скрывшихся въ лѣсъ. Въ ожиданіи отряда, мы, по предложенію начальника кавалеріи, слѣзли съ коней, но спустя часъ получили приказаніе немедленно прибыть къ отряду. Оказалось, что тѣ самые абадзехи, которые стояли на гребнѣ, замѣтивъ отсутствіе милиціи и разсчитавъ, что артилерія не станетъ стрѣлять вдоль своей колонны, собрались къ хвосту ея, произвели шесть атакъ и бросились въ шашки на послѣдній баталіонъ. Баталіонъ, не имѣя возможности развернуться, смѣшался. Два офицера были убиты на мѣстѣ и столько же ранены; изъ нижнихъ же чиновъ были убиты до ста человѣкъ, а сколько было раненыхъ — мнѣ неизвѣстно. Знаю только, что, по прибытіи на Курджипсъ, разомъ вынесли до 30 человѣкъ, умершихъ отъ ранъ.

11-го ноября 1862 года кончилась шести–семидневная экспедиція двѣнадцатитысячнаго отряда на р. Пшехъ. Во время жаркихъ перестрѣлокъ принцъ нерѣдко подъѣзжалъ къ опушкѣ лѣса. Въ лагерѣ его королевское высочество пробылъ еще дня два, присутствовалъ при погребеніи умершихъ отъ ранъ солдатъ, ласково и дружелюбно разговаривалъ со своими временными сослуживцами и благодарилъ ихъ за молодецкую службу. Милиція провожала его въ Майкопъ, а отсюда до

станціи Софорской. Здѣсь его высочество простился съ милиціонерами, выразивъ имъ свое полное удовольствіе за усердную службу и обѣщавъ засвидѣтельствовать передъ Государемъ Императоромъ о ихъ преданности престолу. Это обѣщаніе чрезвычайно обрадовало черкесовъ-милиціонеровъ: они отвѣчали, что не ищутъ другой награды.

Изъ Лабинской станицы милиція разошлась по домамъ.

Возвратившись въ началѣ декабря въ отцу, я объявилъ ему, что въ скоромъ времени прощусь съ нимъ. „Ну что жь! послужи еще, послужи Царю, а тамъ опять пріѣдешь ко мнѣ", говорилъ мнѣ мой старикъ, прощаясь со мной 15-го декабря 1862 года.

Выѣхавъ изъ нашей Кумской долины на высокую гору, съ которой виднѣется дорога въ Ставрополь, я обернулся и послалъ моему родному аулу послѣдній прощальный привѣтъ.

Ротмистръ **ХАГОНДОКОВЪ.**

Станица Баталпашинская.